ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ 23.09.2024 | Евгения Габер

Внешняя политика all inclusive

Что означает стремление Турции вступить в БРИКС и сможет ли Анкара быть партнером одновременно для всех?

Внешняя политика Турции при президенте Эрдогане всегда отличалась подчеркнутой независимостью от союзников, а в ее основе неизменно остаются собственные интересы – даже если они противоречат общей политике западных партнеров.

В случае ЕС такое расхождение можно оправдать отсутствием формальных обязательств Анкары перед Брюсселем, ведь переговоры о членстве Турции в Евросоюзе были заморожены еще в 2017 году после десятилетий ожидания их открытия. (По данным Еврокомиссии за 2023 год, Турция поддерживала лишь 10 процентов решений ЕС в сфере внешней политики и политики безопасности.) В то же время в рамках НАТО такая «автономная» позиция Анкары по ряду принципиальных вопросов неоднократно вызывала нарекания других членов Альянса. Стоит вспомнить хотя бы приобретение Турцией российских систем С-400, отказ присоединиться к санкциям против России после начала полномасштабного вторжения в Украину или дополнительные условия, выдвинутые Эрдоганом на пути к членству Финляндии и Швеции в Альянсе.

Теперь, если Турция официально подаст заявку на членство в БРИКС, она может стать первой страной НАТО, которая войдет в один блок с Россией, Китаем и Ираном – авторитарными режимами, которые видят в этой организации возможность создать альтернативу «несправедливому западному миропорядку». Миропорядку, который в их понимании олицетворяет НАТО.

Турция может стать первой страной НАТО, которая войдет в один блок с Россией, Китаем и

Означает ли это геополитический разворот Турции на восток и отказ от традиционных евроатлантических партнерств?

Ираном, которые видят в БРИКС возможность создать альтернативу «несправедливому западному миропорядку»

Вовсе нет. Скорее, это говорит о постоянстве внешнеполитического курса Анкары, который при действующей власти базируется на трех основных принципах: прагматизме, балансировании и диалоге со всеми – будут ли это противоположные стороны, находящиеся в состоянии горячей войны (как Россия и Украина), или недавние враги самой Анкары (такие как Египет, Саудовская Аравия или режим Асада в Сирии, с которыми Турция пытается нормализовать отношения после длительных конфликтов).

Для действующей власти потенциальное членство в БРИКС должно решить вполне конкретные задачи.

Прежде всего оно должно позволить Турции *выйти изкрутого экономического пике*, в которое страну загнала неортодоксальная финансовая политика Эрдогана в предыдущие годы. Хотя нынешний, прозападный, министр финансов Шимшек прилагает немало усилий, чтобы вывести экономику на докризисный уровень и восстановить доверие международных партнеров, его «шоковая терапия» пока не дала ожидаемых результатов. Инфляция, по самым скромным подсчетам, достигает 70-80 процентов, турецкая лира продолжает терять свою ценность, а повышение учетной ставки с 8 до 50 процентов за менее чем полгода сделало кредиты практически недоступными для малого и среднего бизнеса. По данным Ассоциации торгово-промышленных палат и бирж Турции, только с начала 2024 года более 15 тыс. компаний были вынуждены закрыться, что на 28 процентов больше, чем в 2023 году. Еще больше находятся на грани банкротства. Все это требует новых решительных шагов от правительства, особенно на фоне призывов оппозиции провести досрочные выборы уже в следующем году.

В Анкаре ожидают, что расширение торгово-экономического сотрудничества с Бразилией, Индией, Китаем и другими крупными развивающимися экономиками позволит Турции выйти на новые рынки и обеспечить поступление новых инвестиций в страну. Важной перспективой считается также участие Турции в региональных транспортных коридорах и энергетических проектах, в частности с Россией, Египтом и ОАЭ.

Впрочем, не стоит забывать, что главным внешнеторговым

партнером Анкары остается Европейский союз, на который приходится почти треть ее торговли (в 2022 году товарооборот составил около 200 млрд евро, или 31,4 процента). Для сравнения: с Россией этот показатель составляет 11 процентов, с Китаем – 7 процентов. Так же, несмотря на значительный рост доли арабского капитала в последние годы, стабильность турецкой экономики зависит в первую очередь от устойчивого притока американских и европейских инвестиций.

Еще более показательной выглядит ситуация в сфере безопасности. Единственной реальной гарантией безопасности для Турции остается ее членство в НАТО, тогда как БРИКС не является военно-политическим блоком, а некоторые его участники (прежде всего Россия и Иран) напрямую угрожают интересам Анкары в регионе. В то же время дискуссии вокруг возможного членства Турции в БРИКС должны *послать четкий политический сигнал западным партнерам*: отсутствие прогресса в переговорах с ЕС толкает страну на поиски альтернативных союзов. Эрдоган неоднократно возмущался, что «не будет терпеть каких-либо новых требований или условий по вступлению Турции в ЕС», который «заставил страну ждать у дверей 40 лет». А недавно министр иностранных дел Хакан Фидан прямо заявил, что «Турция не была бы заинтересована в БРИКС, если бы она была членом Евросоюза». Похоже, что публичным обсуждением возможного присоединения к БРИКС турецкая дипломатия пытается проложить себе путь в ЕС – если не к полноправному членству, то по меньшей мере к углубленному Таможенному союзу и безвизу.

Расширяя круг партнеров, Анкара стремится *усилить свое влияние в разных регионах* мира, проводя «сеанс одновременной игры» сразу на нескольких шахматных досках. Возможность стать частью незападного альянса и при этом сохранять членство в НАТО позволяет Турции *претендовать на место одного из «полюсов» в новом многополярном мире*, который должен прийти на смену нынешней системе во главе с США. Известный лозунг Эрдогана «Мир больше, чем пять стран» (постоянных членов Совбеза ООН) не только отражает стремление стран условного Глобального Юга иметь большую представленность в международных организациях, но и хорошо резонирует с российскими и китайскими нарративами о необходимости борьбы с «американской гегемонией», создавая общую идеологическую платформу для всех участников БРИКС. Но откровенно антиамериканская риторика никоим образом не мешает турецкому руководству последовательно выстраивать политический диалог и военно-техническое сотрудничество с США и другими западными партнерами.

Турецкие эксперты отмечают, что одновременное присутствие Турции «в обоих лагерях» имело бы свои преимущества и для Запада

Более того, турецкие эксперты отмечают, что одновременное присутствие Турции «в обоих лагерях» имело бы свои преимущества и для Запада. В частности, Анкара могла бы играть своеобразную роль «своего среди чужих», проводя челночную дипломатию между двумя блоками, выступая посредником на переговорах и способствуя деэскалации напряжения между НАТО, с одной стороны, и Ираном, Россией и Китаем – с другой.

Не в последнюю очередь в этом контексте упоминается и роль, которую Турция могла бы сыграть в будущих переговорах между Киевом и Москвой, если или когда они состоятся. Сейчас Анкара продолжает умело балансировать между двумя странами, торгуя (нередко – в обход западных санкций) с Россией и развивая сотрудничество в оборонной сфере и стратегических отраслях промышленности с Украиной. Соображения собственной безопасности требуют от Турции не дать России победить; ее геополитические расчеты и экономические интересы не позволяют России сокрушительно проиграть.

И хотя потенциальное членство страны в БРИКС несет значительные риски для Украины (следует напомнить, что сейчас именно Турция, Индия и Китай являются крупнейшими покупателями российской «морской» нефти), принципиальных изменений в политике Анкары на украинском направлении ожидать не стоит. Крым есть и останется для Турции украинским. Не только потому, что это устанавливают нормы международного права, а потому, что этого требуют долгосрочные интересы Турции в Черном море.

Евгения Габер
Киев

Евгения Габер (Yevgeniya Gaber) – кандидат политических наук, старший аналитик Центра исследований современной Турции Карлтонского университета (Канада). В прошлом – заместитель директора Дипломатической академии Украины им. Геннадия Удовенко при МИД, дипломат Посольства Украины в Турции. Основная сфера интересов – внешняя политика Украины, Турции, проблемы безопасности Черноморского региона.